

УДК 343
DOI 10.36511/2078-5356-2021-1-100-105

Кибальник Алексей Григорьевич
Alexei G. Kibalnik

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказский социальный институт (355012, Ставрополь, ул. Голенева, 59а)

doctor of sciences (law), professor, professor of criminal law and process chair North Caucasus Social Institute (59a Golenev st., Stavropol, Russian Federation, 355012)

E-mail: 13kln@mail.ru

Нужен ли новый «рецепт спасения» уголовного права?
(Скорбные размышления о статье А.С. Александрова и И.А. Александровой)

Do we need a new “recipe for salvation” of criminal law?
(Mournful reflections about A.S. Alexandrov’s and I.A. Alexandrova’s article)

Статья представляет отклик на произведение А.С. Александрова и И.А. Александровой под названием «Процессуальная стратегия развития уголовного права в XXI веке». Указанные авторы констатируют упадок российской доктрины уголовного права, характеризующийся ее «архаичностью» и невозможностью отказа от «догм». Ими предложен весьма оригинальный «рецепт спасения» отечественной науки уголовного права посредством его «процессуальной революции».

Автор статьи приводит ряд доводов против расуждений профессоров Александровых. В частности, подчеркивается, что подавляющее большинство современных специалистов в области уголовного права не ставят вопрос о его «старшинстве» над уголовным процессом. Далее, если вопрос о преступности наказуемости деяния будет решаться судом и/или стороной обвинения органам государственной власти, выступающим на стороне обвинения, то практически любой акт поведения произвольно может быть объявлен преступным (или наоборот). Наконец, некоторые «догмы уголовного права», о которых ведут речь профессора Александровы, в доктрине просто отсутствуют. В частности, не существует принципа «неотвратимости уголовной ответственности» как обязательной наказуемости любого преступления, постулатов о «неизменности уголовно-правового основания» ответственности, о «социальной справедливости» уголовного наказания.

В статье указано на то, что профессора Александровы (сознательно либо по незнанию) исказили доктринальные позиции по целому ряду проблем уголовного права (например, об оценке «беловоротничковой» преступности, о «дроблении» составов мошенничества).

Сделан общий вывод о недопустимости «процессуальной революции» российского уголовного права.

Ключевые слова: доктрина уголовного права, доктрина уголовного процесса, кризис науки, связь доктрины и законодательства.

This article presents a response to the work of A.S. Alexandrov and I.A. Alexandrova entitled «Procedural strategy for the development of criminal law in the XXI century». These authors state the decline of the Russian doctrine of criminal law, characterized by its «archaism» and the impossibility of rejecting «dogmas». They offered a very original «recipe for salvation» of the domestic science of criminal law through its «procedural revolution».

The author of the article gives a number of arguments against the reasoning of Professors Alexandrovs. In particular, it is emphasized that the overwhelming majority of modern specialists in the field of criminal law do not raise the question of his «seniority» over the criminal process. Further, if the question of the criminality of an act is decided by the court and/or by the prosecution side authorities then practically any act of behavior can be arbitrarily declared criminal (or vice versa). Finally, some of the «dogmas of criminal law» that Professors Alexandrovs were talking about are simply absent in the doctrine. In particular there is no principle of «inevitability of criminal liability» as a mandatory punish-ability of any crime, the postulates of «invariability of the criminal legal basis» of responsibility, of «social justice» of criminal punishment.

The article indicates that professors Alexandrov’s (deliberately or unknowingly) distorted doctrinal positions on a number of problems of criminal law (for exam-

ple, on the assessment of «white-collar» crime, on the «fragmentation» of norms on fraud).

A general conclusion about the inadmissibility of the «procedural revolution» of Russian criminal law is made.

Keywords: doctrine of criminal law, the doctrine of criminal procedure, crisis of science, linkage of doctrine and legislation.

Вводные замечания.

Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», ежегодно проводимая в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина, в последние два десятилетия стала знаковым событием для юридической общественности. Именно на площадках конференции обсуждаются наиболее острые проблемы развития доктрины уголовного права и криминологии. Одними из самых серьезных направлений в полемике стали, если можно так выразиться, «судьба» самого уголовного права, а также понимание его места и роли в близком и отдаленном будущем.

Бесспорно, внимание привлечет «программная» статья нижегородских авторов А.С. Александрова и И.А. Александровой под названием «Процессуальная стратегия развития уголовного права в XXI веке» [1]. Надо сказать, что перу профессора А.С. Александрова принадлежит немалое количество трудов поистине провоцирующего характера. Например, его эпатажная статья о «смертных грехах» современной криминалистики [2] вызвала бурное обсуждение среди специалистов по специальности 12.00.12 [3—5]. Примечательно, что данное творение обозначено самим автором в качестве «культуртрегерского опыта воспитания криминалистики» (тут надо сделать оговорку, что в современном русском языке под «культуртрегером» понимается «тот, кто осуществляет свои неблагоприятные цели под прикрытием распространения культуры» [6]).

Не стало исключением и вышеназванное произведение: хотя прямо о «смертных грехах» современного российского уголовного права речи в нем не идет, зато ему поставлен удручающий диагноз и предложен оригинальный «рецепт» его спасения.

О диагнозе современному российскому уголовному праву.

Диагноз, прямо скажем, почти безнадежный. Оказывается, ученые по специальности 12.00.08 «остаются в плену представлений» о «механизме уголовно-правового регулирования», а вся «философия» уголовного права по-прежнему «сводится к догматизму, ограниченному задачами толкования действующего

УК и практики его применения». Так или иначе, но «действительно новые предложения, выходящие за рамки догмы», попросту отсутствуют.

Далее, современная российская наука уголовного права «архаична», «не способна ответить на вызовы времени» и даже «мешает выработать стратегию преобразования правовой системы противодействия преступности». А основные недостатки («порочность») теории уголовного права, по мнению авторов, состоят в трактовке основания уголовной ответственности, привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее.

Наконец, «фатальное заблуждение» заключается в «исходном представлении о том, что основание уголовной ответственности создается событием преступления и что уголовно-правовое отношение создается этим «событием»». Именно это «фатальное заблуждение» является причиной «прочих ложных концептов». Среди таких вот «ложных концептов» названы «неотвратимость уголовной ответственности», «неизменность уголовно-правового основания», а также догмы о «потенциальной раскрываемости» каждого преступления и «социальной справедливости» наказания.

О «рецепте спасения» современного российского уголовного права.

«Спаси» уголовное право может, по мнению авторов, только процесс его «опроцессуализации». Оказывается, жизненно необходимо «установление примата процессуальной науки над материальной», что будет ознаменовано «переворотом в мировоззрении» и созданием «новой уголовной политики защиты государства, общества от криминальных угроз». Для понимания предлагаемого авторами соотношения материального и процессуального уголовного права важен «вывод» «новой философии прав. — А.К.]».

В итоге «процессуальная наука» станет «ведущей отраслью правового знания о преступлении и привлечении к ответственности за него». Уголовному закону уготована участь «общей схемы», конкретизация которой «подлежит через обвинение в уголовном процессе». Именно уголовно-процессуальные доказательства «заменяют» «пробелы» уголовного законодательства, а «пресловутая проблема применения уголов-

ного закона по аналогии» будет решена «через понимание процесса как правотворчества».

Собственно «скорбные рассуждения» об участии уголовного права.

Предлагаемые А. С. Александровым и И. А. Александровой столь революционные преобразования в понимании места и роли «материального» уголовного права, по сути, перекликаются с мотивами большевистского гимна («Весь мир... разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим»). Нужна ли такая революция? Принесет ли она пользу? Позволю себе некоторые рассуждения по этому поводу, никак не претендующие на абсолютную истину.

1. О «старшинстве» уголовного права. Авторы статьи сетуют на «укоренившиеся предрассудки по поводу старшинства [уголовного права. — А.К.] в уголовно-правовой научной семье (которые разделяют и многие процессуалисты)». Вот не знаю доподлинно, что по этому поводу думают «многие процессуалисты», однако специалисты (по крайней мере, многие) в области «материального» уголовного права думают несколько по-другому.

Для наглядности приведу пару цитат (хотя подобных цитат можно привести великое множество) — «основные задачи уголовного и уголовно-процессуального права являются общими», а «отличие между ними заключается в средствах и способах решения этих задач» [7, с. 32]. Далее, процедурные нормы, содержащиеся в уголовно-процессуальном кодексе, «оживляют» уголовно-правовую материю: «Нормы уголовного права устанавливают абстрактную вину абстрактного человека... Вина же фактическая, т. е. вина конкретного человека в совершении им конкретного преступления, устанавливается с помощью уголовно-процессуальных норм» [8, с. 31]. А разве это не так? По сути, без УПК РФ Уголовный закон представляет собой никому не нужный, «мертвый» документ, а спор относительно «старшинства» уголовного права очень сильно смахивает на дилемму о первичности курицы либо яйца.

Говоря иными словами, современные специалисты в области уголовного права попросту не задаются вопросом о его «старшинстве» (хотя могу предполагать, что для некоторых этот вопрос сродни «фантомной боли»). Почему авторы утверждают обратное — неизвестно.

2. Какой именно уголовный процесс должен стать «основанием» признания деяния преступным? Удивительно, но факт: авторы, рассуждая о «примате» процесса над материаль-

ным правом, среди его участников называют лишь суд и представителей стороны обвинения (прокурора и следователя). Ни разу не упомянутая другая сторона процесса — сторона защиты (позволю себе напоминание: одним из принципов уголовного процесса определена его состязательность, но, по всей видимости, для авторов это совершенно неважно).

Если хотя бы на миг умозрительно согласиться с тем, что «все вопросы» преступления и наказания (уголовной ответственности) будут разрешаться «не в уголовном кодексе, а в сфере уголовного судопроизводства», «через институты обвинения и доказывания», то рисуется настоящая апокалипсическая картина. По сути, решение вопроса о преступности деяния будет отдано на откуп органам государственной власти, выступающим на стороне обвинения. Именно следователь (дознатель, прокурор) станут решать на свое усмотрение, совершил ли человек преступление. А учитывая, что авторы предлагают преодолеть запрет на применение УК РФ по аналогии через «понимание процесса как правотворчества», логично предположить, что «правотворцем» станет все тот же следователь и/или прокурор (в крайнем случае — судья).

Именно такой вывод прямо следует из пассажа о том, что «обвинение есть способ бытия уголовно-правовой нормы». Просто интересно: какова будет реакция А. С. Александрова и И. А. Александровой, если в каком-либо его либо ее поведенческом акте «ретивый» следователь усмотрит признаки преступления, прямо и точно не описанного в «общей схеме» Уголовного кодекса, и доведет процесс «доказывания» до передачи дела в суд?

Говоря иными словами, если уголовный кодекс станет «общей схемой», то одно и то же деяние будет расцениваться как преступление только в зависимости от «вкусовых пристрастий» конкретного правоприменителя. Мне лично даже страшно представить, к чему такое «революционное развитие» может привести, когда практически любой акт поведения произвольно может быть объявлен преступным (или наоборот). Аналогичным образом обстоит дело с наказуемостью — справедливые слова о том, что «пока нет независимого суда» не будет и «верховенства права» потеряют всяческий смысл, если пределы наказуемости будет определять сам суд.

Авторы очень правильно говорят, что «нельзя объять необъятное — предусмотреть все возможные ситуации в тексте Уголовного кодекса».

Вот и замечательно! Не хотелось бы банальности, но, если такая «ситуация» в УК РФ отсутствует, то она «легальна» с уголовно-правовой точки зрения.

3. О несерьезности некоторых доказательств «примата» уголовного процесса. Авторы приводят шесть таких доказательств (хотя, по их утверждению, могли бы больше). Три из них («превосходство науки уголовного процесса подготовлено институтами, культивирующими свободу мнений и дискуссий» — при этом в качестве единственного такого «института» названа Международная ассоциация содействия правосудию; такой примат «содержится в проекте судебной реформы»; среди членов законодательного корпуса, Конституционного Суда РФ «больше процессуалистов, а не материалистов») совершенно несерьезны. Действительно, например, если в законодательном корпусе либо в высших судебных инстанциях не будет представителей, скажем, экологического или какого-либо еще права, эти юридические специальности вряд ли потеряют свою «значимость», правда?

Авторы приводят еще один довод пресловутого «примата»: он якобы содержится «в ряде международных правовых актов». Такой «примат» действительно можно увидеть, но только в том случае, когда международный документ изначально регламентирует вопросы процессуального характера (например, экстрадицию). Как только речь идет о конвенциональном определении преступности того или иного деяния, «солью» такого документа является определение его объективных и субъективных признаков, установление обязанности отразить преступность деяния во внутреннем законе. При этом пределы наказуемости отдаются «на откуп» национальному законодателю. Например, начиная с Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года, традиционной формулировкой в конвенционных актах международного уголовного права стала обязанность государства принять «необходимое законодательство... в соответствии со своей конституционной процедурой, и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания» [9].

Исключением являются так называемые «уставные» нормы международного уголовного права, где в равной мере сосуществуют «материальные» и «процедурные» нормы — например, Римский статут Международного уголовного суда, в котором Россия не участвует.

4. О «догмах» уголовного права. Как уже говорилось, более всего от авторов «досталось»

так называемым «догмам» уголовного права. Самое удивительное заключается в том, что многих таких «догм»... просто не существует.

Да, некоторые авторы продолжают говорить о принципе «неотвратимости уголовной ответственности». Является ли это «общепризнанной догмой» в том плане, что «каждый преступник должен быть наказан»? Вовсе нет. Большинство специалистов утверждают как раз обратное. При этом обычно приводится известный довод о том, что если бы такая «догма» (точнее, ее понимание как обязательной наказуемости любого преступления) существовала в реальности, стало бы невозможным освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в статьях 75—76², 78 УК и в примечаниях к нормам Особенной части УК РФ [10, с. 413—416].

Аналогичным образом обстоит дело с «догмой» о «неизменности уголовно-правового основания» ответственности, то есть «невозможности его изменения в ходе процесса по воле сторон». А куда «делось» наиболее «популярное» основание освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим? Даже если «забыть» о «воле сторон», разве не опровергает эту «догму» переквалификация содеянного в ходе следствия и/или судебного разбирательства?

Далее о «догме» самой уголовной ответственности: да, в статье 8 УК РФ определено основание уголовной ответственности. Правильно это сделано или нет, — но, как говорится, *dura lex*. Однако в теоретической плоскости вопрос о правовой природе такой ответственности, ее основании (основаниях), реализации остается одним из самых обсуждаемых. Приоткрою тайну: в доктрине еще в самые «махровые» советские времена была высказана позиция об уголовной ответственности как об «осуждении» («порицании») виновного в обвинительном приговоре суда, вынесенном от имени государства [11, с. 127; 12, с. 30], так что в этом плане А.С. Александров и И.А. Александрова вернулись к «подзабытому» старому.

А вот «догма» о «социальной справедливости» уголовного наказания — это настоящее изобретение авторов. В доктрине идет нескончаемый спор относительно восстановления социальной справедливости как одной из целей наказания (в этом вопросе в обозримом будущем ясности не предвидится), но назвать ее (цель) «догмой» вряд ли уместно. А если учесть позицию авторов о возможности назначения наказания по усмотрению суда, его (наказания)

«социальная справедливость» будет поставлена в прямую зависимость от частного мнения судьи. В итоге «справедливостей» будет столько же, сколько судей.

5. *Об искажении или незнании фактов.* Самое печальное в статье А. С. Александрова и И. А. Александровой заключается в том, что авторы сознательно либо по незнанию попросту исказили доктринальные позиции по целому ряду проблем уголовного права. В частности, это касается оценки «беловоротничковой» преступности, которую якобы предлагается вывести в «привилегированное» положение по сравнению с преступностью «общеуголовной». Если внимательно прочитать труды «уличенных» в этом «безобразии» профессоров, то речь в них идет совершенно о другом. Например, И. А. Клепицкий говорит о «деградации» «экономических» составов и о «скатывании» России к «состоянию полицейского государства» [13, с. 6—7].

Другое дело, что одним из главных «трендов» уголовно-правовой науки стал тезис об «избыточном» уголовно-правовом воздействии на экономическую сферу, о том, что УК РФ стал настоящей «удавкой» для бизнеса. Так этот факт признается на самом высоком политическом уровне — но «воз и ныне там». Заметим, что в доктрине было высказано предложение, которое может показаться «посягательством на святое», а именно — о необходимости декриминализовать состав незаконного предпринимательства [14, с. 11—12].

То же самое касается «бесконечного» реформирования УК РФ и лавинообразного введения в него новых составов. Вот, например, сами авторы совершенно правильно говорят о «несостоятельности» «специализации составов мошенничества». Приоткрою еще одну тайну: именно на доктринальном уровне эта «несостоятельность» стала предметом чрезвычайно бурной дискуссии, в которой данный шаг законодателя подвергся жесткой критике [15; 16].

Наконец, что касается «архаичности» науки уголовного права и ее «неспособности ответить на вызовы времени». По этому поводу можно посоветовать авторам (хотя бы обзорно) ознакомиться с постоянно растущим количеством работ прогностического (а иногда даже футуристического) характера, посвященных реальным и потенциальным уголовно-правовым проблемам, связанным с развитием робототехники и биомедицинских технологий, появлением носителей искусственного интеллекта и т. д. и т. п. [17, с. 527—534].

Общий вывод.

Что можно сказать со всей уверенностью — прочтение статьи А. С. Александрова и И. А. Александровой никого не оставит равнодушным. Но предлагаемая авторами «процессуальная революция» не оставит «камня на камне» от пострадавших и проверенных временем оснований уголовного права. Существует ли необходимость в такой «революции»? Согласны ли мы отказаться от единого уголовного права и единообразного применения уголовного закона (что, кстати, закреплено в п. «о» ст. 71 Конституции России), заменив их бесконечным множеством «уголовных прав», создаваемых по усмотрению суда и/или стороны обвинения? Полагаю, что на эти вопросы надо дать только отрицательный ответ.

Примечания

1. Александров А. С., Александрова И. А. Процессуальная стратегия развития уголовного права в XXI веке // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 27—32.
2. Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2. С. 277—280.
3. Каминский М. А., Каминский А. М. О «грехах» криминалистики и о непорочной деве в лице науки уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2. С. 293—294.
4. Лубин А. Ф. «Грехи» криминалистики: тайна происхождения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2. С. 295—299.
5. Филиппов А. Г. О статье профессора А. С. Александрова «Семь смертных грехов современной криминалистики» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2. С. 300—303.
6. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/179686> (дата обращения: 22.01.2021).
7. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. М.: Статут, 2009. 751 с.
8. Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юрист, 1998. 511 с.
9. Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12, ст. 244.
10. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Т. I: Понятие уголовного

права. Механизм уголовно-правового регулирования / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 712 с.

11. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. 136 с.

12. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 96 с.

13. Клепицкий И.А. Уголовное право: тенденция к упрощению // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 3—7.

14. Наумов А.В. О состоянии и перспективах отечественного уголовного законодательства («Камо грядеши?») // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 7—13.

15. Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 504—513.

16. Шарапов Р.Д. Новые уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество: инструмент реальной борьбы или бутафория закона? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 3. С. 60—66.

17. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Т. II: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 656 с.

References

1. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. Procedural Strategy for the Development of Criminal Law in the XXI Century. *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference*. Moscow: RG-Press Publ., 2021. Pp. 27—32. (In Russ.)

2. Alexandrov A.S. The Seven Deadly Sins of Modern Criminalistic. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2011, no 2, pp. 277—280. (In Russ.)

3. Kaminsky M.A., Kaminskiy A.M. On the “Sins” of Criminalistic and on the Virgin in the Face of Criminal Procedure Science. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2011, no. 2, pp. 293—294. (In Russ.)

4. Lubin A.F. “Sins” of Criminalistic: The Mystery of Origin. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2011, no. 2, pp. 295—299. (In Russ.)

5. Filippov A.G. About the Article by Professor A.S. Alexandrov “The Seven Deadly Sins of Modern Criminalistic”. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2011, no. 2, pp. 300—303. (In Russ.)

6. Modern Explanatory Dictionary of Russian language / ed. by T.F. Efremova. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/179686> (accessed 22.01.2021). (In Russ.)

7. Criminal Law of Russia. General Part / ed. F.R. Sundurov, I.A. Tarkhanov. Moscow: Statut Publ., 2009. 751 p. (In Russ.)

8. Fletcher G., Naumov A.V. Basic Concepts of Modern Criminal Law. Moscow: Yurist Publ., 1998. 511 p. (In Russ.)

9. *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1954, no. 12, art. 244. (In Russ.)

10. Criminal Law. Common Part. The Crime. Academic Course. Vol. I: The Concept of Criminal Law. The Mechanism of Criminal Law Regulation / ed. N.A. Lopashenko. Moscow: YurLitinform Publ., 2016. 712 p. (In Russ.)

11. Prokhorov V.S. Crime and Responsibility. Leningrad: Leningrad University Publ., 1984. 136 p. (In Russ.)

12. Santalov A.I. Theoretical Issues of Criminal Liability. Leningrad: Leningrad University Publ., 1982. 96 p. (In Russ.)

13. Klepitsky I.A. Criminal Law: A Tendency towards Simplification. *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference*. Moscow: RG-Press Publ., 2021, pp. 3—7. (In Russ.)

14. Naumov A.V. On State and Prospects of Domestic Criminal Legislation (“Quo vadis?”). *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference*. Moscow: RG-Press Publ., 2021, pp. 7—13. (In Russ.)

15. Lopashenko N.A. Legislative Reform of Fraud: Forced Questions and Forced Answers. *Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 504—513. (In Russ.)

16. Sharapov R.D. New Criminal Law Provisions on Liability for Fraud: An Instrument of Real Struggle or a Sham of the Law? *Library of Criminal Law and Criminology*, 2013, no. 3, pp. 60—66. (In Russ.)

17. Criminal Law. Common Part. The Crime. Academic Course. Vol. II: System, Sources and Structure of Criminal Law. Principles of Criminal Law / ed. Lopashenko. Moscow: YurLitinform Publ., 2016. 656 p. (In Russ.)